

Бляшка с мифологическим сюжетом из Центрального Казахстана*А.З. Бейсенов¹, Г.А. Джумабекова¹*¹ Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)**Plaque of the Mythological Subject from Central Kazakhstan***A.Z. Beisenov¹, G.S. Jumabekova¹*¹ A. Kh. Margulan Institute of Archaeology (Alma-Aty, Kazakhstan)

Публикуется бляшка из Центрального Казахстана, найденная при исследовании элитного кургана ранне-сакского времени. Она обнаружена внутри кольцевидного жертвенника, входящего в один комплекс с большим курганом высотой 6 м, находящимся между рвом и насыпью. Возможно, композиция на бляшке из Центрального Казахстана является одним из ранних для скифо-сакского мира изображений воинов в панцирном доспехе. Персонажи в подобной экипировке выявлены в памятниках ранних кочевников на территории Средней Азии, Казахстана, Китая, Сибири. Сюжет находит параллели в культуре ранних кочевников и в памятниках Средневековья. Бляшка отличается тщательной проработкой деталей изображения, стремлением к передаче важных для зрителя нюансов, отражающих сюжет композиции. Предполагается, что конный воин – один из ключевых персонажей, также важной персоной является лежащий воин. Сидящие в нижней части композиции персонажи занимают подчиненное положение. На основе краткого анализа облика персонажей и сюжета бляшки предполагается мифологическое содержание сцены. Возможно, на бляшке изображен хорошо известный современникам мифологический сюжет, например, прощание с героем, его «проводы».

Ключевые слова: ранние кочевники, Центральный Казахстан, бляшка, конный воин, мифология.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.1-05

Бляшка, о которой пойдет речь, была обнаружена в результате раскопок кургана 2 могильника Нуркен-2 в Центральном Казахстане. Могильник находится в Каркаралинском районе Карагандинской области, на расстоянии 10 км к юго-западу от одноименного села. Ядро одновременного могильника составляют два больших кургана (№1 и 2), отстоящие друг от друга на расстоянии около 300 м. Хотя оба могильника разграблены, можно с уверенностью предположить, что это однокультурные памятники, о чем свидетельствуют

The article concerns with a plaque from Central Kazakhstan, found at the excavation site of elite burial mound of early Saka time. It was found inside the annular sacrificial place, a part of a 6-meter kurgan located between a moat and a banket. The plaque subject from Central Kazakhstan may be one of the Scythian-Saka earliest images of an armor-clad warrior. Similar armored characters were found at the burial sites of early nomads in Central Asia, Kazakhstan, China, Siberia. The subject finds parallels in the early nomadic culture and monuments of the Middle Ages. The plaque is marked with elaborate skill in depicting parts of the image, the projection of important details, reflecting the subject of the composition. The hobbler is assumed to be one of the key characters, the lying warrior being also important. The characters sitting at the bottom of the composition play a subordinate role. The brief study of the characters and the subject may imply a mythological background of the scene depicted. The plaque may depict a mythological subject well-known to contemporaries, for example, the scene of paying last respect to the hero.

Key words: early nomads, Central Kazakhstan, plaque, hobbler, mythology.

ют такие раскопочные данные, как параметры, материал, конструктивные особенности этих сооружений. Курганы имеют каменную ограду, проходящую на небольшом расстоянии от края насыпи, и большой ров. Под насыпями вскрыты сложные погребальные камеры с дромосами длиной свыше 10 м, ориентированными на юго-восток. Округлая насыпь кургана 2 имела диаметр 54 м и высоту 6,1 м в центральной части. Полностью ограбленная погребальная камера представляла собой куполообразную усыпальницу, выпол-

ненную методом ложного свода в центральной части каменной насыпи, находящейся под мощным слоем плотной кладки из глинистых блоков. Вокруг кургана, с северо-западной и юго-восточной сторон, на площадке между насыпью и рвом были заложены два дополнительных раскопа – В и Г. На площади раскопа в (северо-западная группа жертвенников) были выявлены два кольцевидных жертвенника, найдена каменная зернотерка длиной 46 см. Курганы могильника Нуркен-2 отнесены к раннесакскому времени (VII–VI вв. до н.э.) [1, с. 173–197]. Внутри одного жертвенника обнаружена бронзовая бляшка.

Лицевая сторона бляшки декорирована сценой с присутствием нескольких антропоморфных персонажей (рис. 1).

Рис. 1. Бляшка. Могильник Нуркен-2, курган 2

Бляшка изначально была подпрямоугольной формы, края чуть выпуклые. Небольшой фрагмент бляшки с правого края утрачен. Длинные стороны оконтурены орнаментальной полосой. Композиция на бляшке разделена по вертикали на две части – левую и правую. Граница – трехчастная полоса, декорированная зигзагообразными линиями. С левой по отношению к зрителю стороны присутствуют три персонажа, центральным из которых, очевидно, является всадник. Он показан спокойно восседающим на стоящем коне в экипировке: на голове – облегающий башлык с широким назагыльником, завязанными под подбородком наушниками, сзади на головном уборе показаны, возможно, швы, образованные сшиванием двух полос ткани (войлока). Доспех всадника образован облегающим верхом, с длинными рукавами, которые также облегают локтевую часть руки, а на плечевой – рукав показан более широким. «Юбка» – низ верхней одежды – изображена горизонтальными полосами. На ногах – ноговицы. У всадника на лице выделяется крупный нос, сомкнутый рот, черты лица довольно грубые, хочется сказать, что выражение лица суровое.

Всадник восседает на коне, у которого показаны поводья, седло с подпругой, подхвостный и нагрудный ремни, хвост, видимо, перетянут в двух местах широкими лентами. У коня стриженная грива с «городком». Ухо поставлено вертикально, выразительное, пламевидное, с округлым утолщением в основании. Выделены суставы и копыта. Показан крупный подтреугольный глаз, ноздри, ротовая щель. Голова отделена от шеи дуговидной линией, перехват на морде, видимо, обозначает ремешок оголовья. Всадник передан характерным приемом – торс показан вполоборота, конь и нижняя часть человека – в профиль. За спиной всадника выступает лук. Обращают внимание мощные грудь и шея коня и его сравнительно небольшая голова. Считаем, что передан экстерьер не степной лошадки.

Позади конного лучника стоит человек, вооруженный чеканом, который он держит в правой руке. На его голове также показан облегающий башлык с несколько более коротким, чем у всадника, назагыльником. Видна облегающая верхняя часть одежды (кафтан?), воин показан в профиль. Чекан, по нашему мнению, несколько гипертрофирован. Лицо грубое – нос большой, крупные губы.

Третий участник сцены находится перед всадником: он изображен сидящим на земле, ноги согнуты в коленях, руки находятся перед грудью. На голове также надет башлык, ноги – в сапогах-чулках или ноговицах, на облегающем кафтане выделен пояс. У человека грубое лицо, показан крупный нос, губы, рот, который, возможно, раскрыт. Слабо выделенные глаза заставляют подумать о монголоидности.

В правой половине пластины, обломанной с края, напротив сидящего на земле человека лицом к нему сидит такой же персонаж, у него яснее показан кафтан с широкими полами. Кисти рук, расположенных перед человеком и согнутых в локтях, возможно, не поместились в отведенное пространство. У этого персонажа, видимо, показана раскраска или расцарапанное лицо.

В пространстве над головой сидящего в скорбно-смирненной позе человека в правой половине бляшки сохранилась нижняя часть изображения, вероятно, лежащего человека – ноги со ступнями вверх и юбка, переданная полосками, видимо, прикрывающая колени. Еще выше у ног лежащего человека помещено изображение прямоугольного щита. Наличие щита позволяет предполагать, что лежащий – мужчина в защитной экипировке.

У людей выделены носы, глаза, передача рта напоминает прием, зафиксированный у фигурки воина из Тараза (рис. 2) и в изображениях женщин-ножек жертвенного стола из Кыргызстана. Черты лица довольно грубые.

Центральный персонаж сцены – всадник. Его экипировка переключается с деталью какого-то предмета, возможно, курильницы или жертвенни-

Рис. 2. Фигурка воина. Жамбылский областной историко-краеведческий музей

ка – фигуркой воина из Жамбылского областного историко-краеведческого музея. Она изображает воина в шлеме («кубанского» типа), одетого в панцирь в виде приталенной куртки с высоким стоячим воротником и защитой бедер, состоящей из нескольких рядов полос [2, с. 210, рис. 1; 3]. На основе анализа элементов экипировки специалистами предлагается датировка V в. до н. э. или даже рубежом VI и V вв. до н. э. В сохранившейся руке воина – отверстие. Т.Н. Сенигова предполагает, что в это отверстие вставлялся лук. Черты лица скорее монголоидные. Поза воина статична, отсутствует часть правой руки, окончания ног (видимо, они изначально отсутствовали). Очевидно, что фигурка воина насаживалась на что-то.

Анализируя экипировку воина, М.В. Горелик привлекает в качестве одного из аналогов изображение из Ак-Тама (Фергана) [4, с. 114]. Он приходит к выводу, что на воинах показан кожаный или войлочный, с металлическим подбоем доспех, в котором металлическая броня нашита снаружи мягкой основы. Панцирь имеет высокий стоячий воротник, выполненный из вертикальных узких пластин – у ак-тамского, сплошной воротник – у доспеха из Жамбыла (Тараза). Изображение «лесенки» под фигуркой воина на ак-тамской пластинке мож-

но трактовать как наруч или понож из соединенных между собой браслетов.

На изображении вереницы всадников на золотом навершии из Сибирской коллекции Петра I в Эрмитаже [5, рис. 29; табл. XXII, 18] показаны также панцири с облегающим верхом, покрытые крупными прямоугольными пластинами, и «юбкой» из таких же пластин или полос, показаны характерные стоячие воротники. Наручи и некоторые поножи сделаны из «браслетного» набора [4, с. 114].

На голове всадников в сцене возвращения воинов после битвы – шлемы и башлыки с назатыльником и завязанными наушниками. Видимо, здесь изображены разные головные уборы. Куртки с бронированными рукавами (ламинарными наручами), сама куртка бронирована, очевидно, только у впереди едущего всадника, воротники стоячие (не у всех), бедра закрыты «юбкой» разной длины из горизонтальных полос, ноги также закрыты (поножи?). У всадников подчеркнуты выступающие носы и большие глаза. У коней стриженные гривы с одним городком (?), оголовье включает двоянный наносный ремень, нащечный, отсутствует налобный ремень. Показан подхвостный ремень, нагрудный ремень, седла, хвосты не развеваются. Особым приемом переданы сильная широкая грудь и тонкие ноги.

С.С. Иванов отметил, что аналогичный по строению доспех был широко распространен в восточных областях степной части Евразии [3]. Он также отмечен и на китайских изображениях «варваров» северо-западной периферии [4, с. 114–117]. М.В. Горелик считает, что элементы сакского панциря (стоячий воротник, ламинарная защита рук, применение крупных прямоугольных пластинок и др.) были широко распространены в Древнем мире от ахеменидского Ирана до Северного Китая, а также в парфянском, кушанском, циньском и позднесакском доспехах. Тяжелый металлический панцирь появляется и формируется у сако-юэчжийских племен востока Средней Азии и западной части Центральной Азии в V–III вв. до н.э. Вопрос о месте генезиса панциря «сакского типа» все еще остается открытым [4, с. 120, 121].

Рассмотренные изображения позволяют предположить, что у вооруженного всадника из Нуркена может быть показан не просто башлык, а подшлемник, который, по мнению М.В. Горелика, «в силу своей престижности (носители шлема, несомненно, имели высокий социальный статус) со временем мог вытеснить в некоторых восточносакских областях другие, обычные формы башлыка, тем более что он отличался от обычного остроконечного убора именно и только отсутствием острого завершения» [4, с. 122]. Воин одет, вероятно, в панцирь с бронированной юбкой и стоячим воротником, наручи закрывают руки до локтя.

Изображение воина в панцире на роговой пластинке из могильника Ак-Там в Фергане относят к рубежу V–IV вв. до н.э., а скорее к IV в. до н.э., золотое навершие из «Сибирской коллекции Петра I» – IV–III вв. до н.э., бронзовую фигурку из Тараза к тому же времени [6, с. 113].

По мнению С.С. Иванова, в Центральной Азии применение панциря достоверно фиксируется с рубежа VI и V вв. до н.э., хотя Б.А. Литвинский предполагает, что сама идея защитного металлического доспеха могла проникнуть в Центральную Азию на заре раннего железного века и получить максимальное развитие в середине I тыс. до н.э. На рубеже V и IV вв. до н.э. кочевники выработали свой специфический вариант пластинчатого и чешуйчатого панциря: в виде приталенной куртки с высоким стоячим воротником и браслетными рукавами ламинарного типа или же, возможно, с чешуйчатым их армированием. Формирование этого панциря происходило на обширной территории от Средней Азии до Алтая и Внутренней Монголии. Помимо металлических, у ранних кочевников Средней Азии также существовали комбинированные панцири, в которых сочеталось применение металлических элементов и мягких материалов (кожа, войлок). Всего исследователь выделяют четыре варианта защитного доспеха у ранних кочевников Азии [3].

Еще один существенный элемент облика конного воина из Нуркена – «городок» и стриженная грива коня. Среди сцен с ранними кочевниками городки фиксируются в сценах под деревом, на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана, у миллеровского всадника из коллекции Петра I. У него же на левой стороне лица показаны шрамы или раскраска.

Б.А. Раев проанализировал сцены с изображением коня с городками. Территориально этот обычай был распространен по всему поясу Евразийских степей от восточных регионов Центральной Азии до Северо-Восточного Причерноморья, а хронологически он охватывает огромный период: с V–IV вв. до н.э. по VIII в. нашей эры. Персонажи и сцены, с которыми они связаны, по мнению автора, имеют небытовой характер – батальные или сакральные сцены, в которых принимают участие, судя по костюму и экипировке, не рядовые кочевники. Автор не исключает, что такими гривами отмечались лошади высшего сословия кочевников [7].

Следующий значимый персонаж нуркенской бляшки – лежащий человек в бронированном доспехе со щитом. Принципиально сходная композиционная схема или сюжетная линия прослежены на оссуариях из Ток-калы. Ключевые моменты, присутствующие в сценах на оссуариях: жертвенник или курильница, оплакиваемая женщина в ложе (изображена в фас, руки раскинуты, ступни выступают из-под одежды и показаны в профиль), оплакивающие люди (оссуарий №1) [8, рис. 27].

Оссуарий №2: присутствуют покойник – мужчина, лежащий на таком же ложе, но без изголовья и обращенный головой в противоположную сторону, оплакивающие, вдова умершего или профессиональная плакальщица [8, с. 97, рис. 28]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что оплакивающие персонажи наносят себе удары и, вероятно, рвут волосы в знак горя.

Остальные персонажи, изображения которых помещены на бляшке из Нуркена, одеты в костюмы, которые у С.А. Яценко охарактеризованы как имеющие общеиранские элементы [9, с. 90–96, 110, 111]. Напомним, что у одного из них лицо дополнено изображением шрамов или раскраски.

Позиция этих персонажей – сидящие на земле, внизу композиции, у ног коня, с руками у лица, указывает на их подчиненное положение и какую-то смиренную, может быть, скорбную позу. Не случайным, вероятно, является расположение рук перед лицом. Исследователями установлено, что у многих народов Востока хлопки в ладоши являются знаком горя, отчаяния. Воздетые вверх руки – жест, который в современной культуре выражает разнообразные чувства: отчаяние, проклятие, мольбу о пощаде, торжество победы и др. [10, с. 43].

О подчиненном положении двух сидящих персонажей косвенно свидетельствует интересное погребение, зафиксированное на Южном Урале: в результате раскопок была выявлена яма с подбоем, на ее дне расчищены два человеческих костяка, лежащих на животе с сильно скорченными ногами и согнутыми в локтях, прижатых к телу руками. В подбое лежал костяк женщины 25–30 лет, вытянуто на спине, головой к СЗ, лицом вверх. Наличие на дне входной ямы двух коленапреклоненных мужских костяков – наиболее интересная особенность погребения.

Поза мужчин, по мнению авторов публикации, наводит на мысль об их принесении в жертву, или, по крайней мере, об их более низком статусе по сравнению с женщиной. Небольшая насыпь, скромная могила и скудный инвентарь, сопровождающий покойных, по-видимому, не позволяют говорить о сколько-нибудь значимом их положении в обществе. Погребение относится к позднему сарматскому времени – II–IV вв. н.э. [11].

Необходимо обратить внимание еще на один важный момент: Л.Н. Ермоленко, анализируя композицию древнего искусства, отметила значимость персонажей, расположенных слева [12].

Более близкая территориально и в культурно-хронологическом отношении – пара застезек со сценой отдыха в пути [5, табл. VIII, 1, 7; 13, ил. 189–190]. Возможно, здесь показана не сцена отдыха в пути, не отдыхающий человек, а умерший. Ю.А. Мотов связывает подобные сцены с комплексом Бога Грозы и Богини Плодородия. «Сюжет сцены представляет собой посмертное «путешествие» царя, сопровожда-

емого женщиной в наряде невесты и обрядовым «заместителем умершего». Путешествие на конях-иноходцах со знаками-нагивниками должно, по выводам автора, завершиться на небе» [14, с. 35]. В любом случае, здесь, видимо, изображена не бытовая сцена, может быть, какой-то известный автору и владельцу застежек мифологический или эпический сюжет.

Таким образом, можно предположить, что в сцене нуркенской бляшки запечатлен какой-то извест-

ный современникам мифологический сюжет, связанный со сценой прощания, погребения героя, где наиболее значимыми персонажами являются вооруженный всадник, расположенный в левой части композиции, и сам погибший. Учитывая датировку памятника, можно предположить, что перед нами один из наиболее ранних образцов раннекочевнического искусства, где воплощен облик экипированного воина в защитном доспехе.

Библиографический список

1. Бейсенов А.З. Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки : сб. научн. ст. / отв. ред. В.Г. Ломан. – Караганда, 2007.
2. Сенигова Т.Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // Советская археология. – 1968. – №1.
3. Иванов С.С. к вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Средней Азии // Вестник Киргизского национального университета им. Ж. Баласагына, труды ИИМОПа, спец. выпуск к 15-летию ИИМОП. – Бишкек, 2011.
4. Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987.
5. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. – Вып. ДЗ-9. – М. ; Л., 1962.
6. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тыс. до н.э. – IV в. до н.э.). – М., 1993.
7. Раев Б.А. «Стриженные гривы» и миграции кочевников. Об одном малозаметном элементе экстерьера коня // Нижневолжский археологический вестник. – 2009. – Вып. 10.
8. Гудкова А.В. Ток-кала. – Ташкент, 1964.
9. Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. – М. 2006.
10. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Серия: Из истории мировой культуры. – Л., 1990.
11. Фёдоров В.К. Коленопреклоненные: необычное позднесарматское погребение из Южного Зауралья // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы и исследования по археологии Юга России : сб. ст. Вып. III. – Ростов на/Д., 2011.
12. Ермоленко Л.Н. О смысле «левого» и «правого» в композициях некоторых памятников изобразительного искусства древности // Уральский исторический вестник. – 2010. – №1(26).
13. Артамонов М.И. Сокровища саков. Памятники древнего искусства. – М., 1973.
14. Мотов Ю.А. Героизация и обожествление вождей ранних кочевников Алтая (по материалам могильника Пазырык) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья) : сб. научн. ст. – Алматы, 1998.